

НЕПРОЩЁННЫЙ ВАТИКАНОМ

*d'or à un noyer arraché
de sinople.*

АЛЬБЕРТ ЛАШЁВ

Альберт Лашёв

Непрощённый Ватиканом

«Автор»

2026

Лашёв А.

Непрощённый Ватиканом / А. Лашёв — «Автор», 2026

Седьмого сентября 1303 года на рассвете Гийома де Ногаре арестовывает Папу Бонифация VIII прямо в его спальне в Ананьи. Через месяц папа умрёт. Шесть враждебных хронистов из трёх стран независимо фиксируют слова, брошенные Ногаре в спальне: «твой отец был еретиком, за это сожжён». Не оскорбление — юридическая квалификация по действующей статье. Дед Ногаре — катарский служитель из инквизиционных регистров Лорага. Дом рода горел за ересь. Дворянство утрачено. И тот же самый институт, что сжёг его семью, взял мальчика на воспитание, выучил Писанию, каноническому праву — и получил ученика, который развернул её собственное оружие остриём вверх. Это не биография. Это следствие: документ, реконструкция, предание — помечены отдельно. Первый в истории Запада целенаправленный удар не по человеку в тиаре, а по машине за ним.

© Лашёв А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ. Почему я споткнулся о него	8
ЗАЧИН. Ночь на горе	10
Глава первая. Ананьи: свидетельство о рождении	11
Глава вторая. Дом, который горел	14
Глава третья. Детство под инквизицией: как куётся шрам	17
Глава четвёртая. Выбор оружия: не меч, не вера — право	20
Движение первое. Быть замеченным	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Альберт Лашёв

Непрощённый Ватиканом

Непрощённый Ватиканом

Следственная биография Гийома де Ногаре

Цикл «Рождённые в матрице. След»

Альберт Лашев

Цикл «Рождённые в матрице. След» — серия «Величайшая подмена»

* * *

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга входит в цикл «Рождённые в матрице. След» и стоит в серии сразу за «Старшей дочерью». Соседство прямое, а не случайное: там я разбирал систему — здесь разбираю человека, который первым нанёс ей осмысленный удар.

«Старшая дочь» показала, как устроена власть над Францией: правят не папы и не короли — за тиарами и коронами стоит машина, которая раздаёт имена и легитимность, назначает святых и еретиков, венчает и стирает. Мы прошли её работу по векам — от Ананьи до башни Тампля — и увидели: папы сменяются, династии гаснут, машина остаётся. Идя той дорогой, я споткнулся об одного человека; почему именно о него — сказано в предисловии.

Читателю «Старшей дочери» я обязан ещё одним словом. Там я предъявил опись аномалий этой судьбы и оставил открытым вопрос: кто вёл Гийома де Ногаре, чья рука стирала клеймо на каждой его ступени. Эта книга — ответ следствия, спустившегося внутрь: я искал ведущую руку, а нашёл конструктора. Обе оптики останутся перед тобой — взгляд с доски там, взгляд изнутри человека здесь; сложить их предстоит тебе.

И сразу о том, почему это книга, а не эссе, которым работа начиналась. Я собирался написать портрет: человек, шрам, метод — страниц сорок. Но каждый поднятый документ вытягивал за собой два следующих, и на третьем месяце стало ясно: за этим человеком стоит не только машина, которую он разбирал, — за ним стоит второй человек, король. Одного жизнеописания не хватило; понадобилось следствие — с версиями, чашами весов и уликами против самих себя. Жанр у этой книги поэтому такой: следственная биография.

Тезис её укладывается в четыре слова. Гийом де Ногаре — первый в документированной истории Запада целенаправленный, осмысленный, грамотный и хладнокровный удар по самой системе: не по папе-человеку и не ради короля-человека, а по механизму, который стоит за обоими и обоих производит. Это не эпитеты, а обвинительное заключение, и книга докажет каждое слово. Целенаправленный: десять лет он стоял в засаде, в единственной точке, куда корона обязана была прийти, — и она пришла. Осмысленный: он действовал не по приказу и не за жалованье — «сам от себя», по суду, который носил в себе; у его войны было имя, и он написал это имя двенадцать раз. Грамотный: он не поднял ни меча, ни знамени — он взял её собственное оружие: её право, её статью, её опросный лист, её Писание — и развернул остриём вверх. Хладнокровный: за целую жизнь — ни одного лишнего жеста; враги, собравшие против него всё, не собрали ни единой его ошибки.

Дальше — то, что читателю нужно знать с первой страницы. Книгу ведут две красные линии, и обе идут до последнего абзаца.

Первая — кровь. Лораге, костры, регистры инквизиции, статья о происхождении, поражённый род, свой Христос, дерево на печати. Это линия того, откуда взялся человек, способный на такое: не мститель с ножом, а юрист со шрамом вместо убеждения.

Вторая вспыхивает в тот день, когда судья-маж из Бокера поступает на королевскую службу, и я называю её вслух: союз без договора. Король знал о своём юристе всё — и взял его именно за метку: меченому некуда уйти, его нельзя перекупить, его рвение не надо оплачивать. Из этого союза выросли обе папские смерти нашего дела, изъятие бумаг в день похорон и семь столетий молчания. Скажу сразу и повторю в своём месте: сговора в бумагах нет, и я не стану делать вид, что нашёл его. Доказывается другое — конструкция, при которой сговор не требуется: королю довольно было не задавать вопросов, юристу — остаться незаменимым.

О приоритете скажу коротко и проверяемо. Биографии этому человеку не посвящено с конца девятнадцатого века — это констатация свежайшей академической печати, а не моё сомнение; по-русски о нём книги не было вовсе. Кирпичи, из которых сложено следствие, чужие, и каждый назван по имени: регистры инквизиции, поднятые Ивом Досса; семейный

архив, разобранный Луи Тома; буллы, изданные Куртом Шмидтом; рабочие досье, описанные Себастьяном Надирасом; колонка хроники Вентуры, добытая для этой книги из мюнхенского скана рукой автора. Кладка — наша: конструкцию союза, две смерти как две конверсии и двойной мотив стирания в известной мне литературе не строил никто.

Теперь договор с тобой, читатель, — правила, по которым эту книгу можно проверять, а не принимать на веру. Всякое утверждение помечено: [Д] — документ, [Р] — реконструкция, [ПК] — предание, к которому следует относиться с осторожностью. Слабые места своих версий я называю раньше критиков и честные альтернативы кладу первыми, с именами свидетелей. Там, где следствие упёрлось в стену — а оно упирается не раз, — я говорю об этом прямо и оставляю проверку тебе или тем, кто придёт после: у нескольких наших версий есть конкретный адрес проверки, и он указан.

И обещание финала, чтобы ты знал, к чему идёшь. В конце книги ты узнаешь, почему у первого юриста Франции нет могилы; почему его личный архив изъяли в день смерти и почему это единственный такой случай за всё Средневековье; почему из всех, кого Церковь не простила за тысячу лет, его одного не проклинают, а стирают; и что означает пятая подпись под этим делом — единственная, которую поставил не он.

Эта книга — не памятник и не реабилитация. Это следствие. И это возвращение инструкции в обращение.

Прочти её. Система прочла давно.

* * *

ПРЕДИСЛОВИЕ. Почему я споткнулся о него

Я не выбирал Гийома де Ногаре. Я шёл через французскую историю по следу системы — и споткнулся о цифру: семь столетий непростения.

Работая над «Старшей дочерью», я привык видеть, как контора умеет мириться. Она прощала вешателей, воров, клятвопреступников и собственных палачей. Ангеррана де Мариньи, повешенного на Монфоконе по обвинению в колдовстве, реабилитировали через два года: тело сняли с цепей, похоронили с честью, имущество вернули семье. Пьера Флота, посмертно казнённого папской буллой как «злодейнейшего из смертных», простили через полтора года — вместе с потомством до четвёртого колена. Кардиналов Колонна, отворивших ворота в Ананьи, восстановили в санах. Скъярру Колонна, которому хроники приписывают готовность прикончить папу прямо в спальне, простили — и он дожил до того, чтобы своими руками короновать в Риме императора.

А человека, который эту операцию задумал и провёл, не простили никогда. У него нет могилы. Нет надгробной надписи. В двухтысячном году его имя не позволили написать на стене библиотеки в университете, где он преподавал право.

Аномалия — маркер для следователя. Там, где система семь веков ведёт себя странно, надо остановиться и спросить: что именно она защищает. Я остановился.

А дальше выяснилось, почему мимо пройти нельзя. Этот человек — весь метод моих книг, живший за семь столетий до них. Мы вскрываем подмену — он был мастером подмены и бил контору подмен её же искусством. Мы строим доказательство на том, что вынужден признать противник, — он строил обвинение папе из папского же формуляра. Мы ищем подлинного Христа под чужим титулом — он, если наше следствие право, всю жизнь воевал за своего Христа словами римского, и Рим так и не расслышал. Он первым показал на документах то, что эта серия показывает на истории: статья режет в обе стороны, и Книга выше конторы.

Я узнал в нём не единомышленника. Предшественника — по почерку.

И последнее. Цикл называется «След», а след есть то, что система не сумела стереть. Ногаре стирали семьсот лет: без могилы, без имени, с пощёчиной вместо биографии. И не стёрли — в двухтысячном году, чтобы отказать мёртвому юристу в табличке на стене, конторе пришлось снова открыть рот и произнести повод вслух. Человек, которого приходится продолжать стирать через семь столетий, не стёрт.

Это и есть след. По нему я и пошёл.

Лица этого человека не сохранилось: ни портрета, ни надгробия, ни витража — система стёрла и его. Вот всё видимое, что осталось: герб с его печати. В золотом поле — ореховое дерево, вырванное с корнями. Живое целиком — и не касающееся земли.

Дерево, которое живёт не от земли. Что это значит — расскажет вся книга.

* * *

ЗАЧИН. Ночь на горе

Второе марта 1244 года. Монсегюр — крепость на скальном зубе высотой в тысячу двести метров в предгорьях Пиренеев, последнее убежище катарской церкви, — сдаётся после десяти месяцев осады. Условия обычные для той войны: гарнизону — жизнь и прощение, тем, кто отречётся, — покаяние, тем, кто не отречётся, — костёр. И странная уступка победителей: пятнадцать дней перемирия перед сдачей [Д — по хронике Гийома де Пюилорана и материалам инквизиции]. Зачем осаждающим, продержавшимся зиму на голых скалах, дарить осаждённым две недели, никто внятно не объяснил ни тогда, ни теперь.

Шестнадцатое марта, срок вышел. С горы выводят тех, кто не отрёкся, — по разным подсчётам от двухсот до двухсот двадцати человек: Совершенных и Совершенных женщин — духовенство катарской церкви, — а с ними больше двадцати мужчин и женщин из гарнизона, которые в эти пятнадцать дней сами попросили возложения рук, то есть добровольно перешли в число обречённых, зная, куда их выведут [Д — показания гарнизонных на допросах инквизиции]. Их не сжигают по одному на площади; их загоняют в частокол у подножия и поджигают целиком. Место и по сей день зовётся по-окситански Prat dels Cramats — Луг сожжённых.

А в ночь перед этим — то, ради чего написан этот зачин. По западному склону, по верёвкам, с горы спускаются четверо. Гарнизонный сержант Имбер де Салас, допрошенный инквизицией позже, назовёт их по именам — Амьель Экар, его товарищ Юго и с ними ещё двое — и объяснит цель побега без пафоса, по-деловому: чтобы церковь их веры не лишилась того, что было укрыто [Д — показания в инквизиционных регистрах; точный локус в аппарате].

Легенда, выросшая из этой строки, известна всякому: «сокровище Монсегюра», золото, чаша, реликвия — семьсот лет искатели копают склон. Скажу первым, раньше критика: денежная часть ушла с горы раньше, в январе, и об этом тоже есть показания — вынесли двое, и вынесли, судя по всему, монету и ценности на содержание уцелевших [Д]. Значит, четверым в последнюю ночь оставалось нести не золото: золото было в дороге два месяца.

Что же они вынесли? Ответ этой книги — на её последней странице, и он не про клад.

Заметь пока одно. Через одиннадцать лет, в 1255 году, падёт последняя катарская крепость Керибюс — и примерно в этот же год, в двадцати верстах от Монсегюра, в лорагской деревне Сен-Феликс, родится мальчик, чьей семьи мы больше не найдём ни в одном семейном архиве: род вычистит своё происхождение до последнего листа. Его дед, если следствие право, служил той самой церкви, что горела в частоколе, — служил Совершенным, министром, и умер в бегах. Отец, по свидетельствам врагов, взошёл на костёр.

Мальчика вырастят монахи ордена, которому Рим доверил инквизицию. Он выучит их язык, их право и их Книгу. Через шестьдесят лет он войдёт в спальню римского папы, объявит его еретиком и возьмёт под стражу — а ещё через год напишет, что Бог рассудил.

Его звали Гийом де Ногаре. Это книга о том, что он вынес с горы.

* * *

СЛОЙ

I

. ШРАМ

Глава первая. Ананьи: свидетельство о рождении

Седьмого сентября 1303 года, на рассвете, в спальне папского дворца стоит человек из Лоража — маленькой земли пшеничных холмов между Тулузой и Каркассоном.

Место, где он стоит, стоит того, чтобы его увидеть. Ананьи — не Франция: это городок в Италии, в Лацио, на скалистом гребне в шестидесяти верстах к юго-востоку от Рима, старинное летнее убежище папского двора. Узкие улицы, тёплый камень, вид на долину до самых гор. И — вот первая деталь, от которой у следователя щемит: Ананьи был родным городом захваченного папы. Бенедетто Каэтани, взошедший на престол под именем Бонифация VIII, родился здесь, здесь его род был первым, здесь он выстроил себе дворец. Человека, привыкшего повелевать христианским миром, взяли под стражу в его собственном доме, на его собственной улице, среди его собственных сограждан.

Взяли по всем правилам операции. Ворота города ночью открыли изнутри — свои, из тех горожан, кому Каэтани встал поперёк горла; ночная стража была сведена к горстке; дворец окружён и взломан [Д]. Через три дня Ананьи опомнится и отобьёт своего папу у отряда — но не спасёт: месяц с небольшим спустя, одиннадцатого октября, Бонифаций VIII умрёт в Риме [Д].

История назвала это «пощёчиной Ананьи». Скажу сразу, раньше любого критика: пощёчины, всего вероятнее, не было — удара по лицу не знает ни один современник событий, он всплывает в пересказах много позже. Захват стоит на документах; пощёчина — предание [ПК]. Мы ещё вернёмся к тому, почему именно эту версию контора выберет своим официальным поводом семь столетий спустя.

А вот слова в той спальне — были, и о них мы знаем больше, чем знала наука девятнадцатого века. Их удержали шесть перьев, и все шесть — враждебные нашему герою. Разберём каждое по отдельности, потому что в следствии свидетель весит не тем, что сказал, а тем, кто он и почему заговорил.

Первый — Джованни Виллани, флорентиец, автор «Новой хроники», главного итальянского исторического свода той эпохи. В его рассказе папа, отказываясь отречься, бросает захватчикам, что готов быть осуждён и низложен патаренами — то есть катарами, как звали их в Италии. А хронист тут же объясняет читателю смысл этой колкости: у человека, стоящего перед папой, отец и мать были сожжены как патарены [Д — Новая хроника, кн. II, гл. 80]. Речь, подчеркну, о родителях Ногаре, а не папы: Бонифаций — Бенедетто Каэтани, сын знатного и правоверного рода этого самого города. Смысл фразы, брошенной в спальне, таков: меня низлагает сын сожжённых еретиков. И заметь, откуда у флорентийца сведения: в 1300–1308 годах Виллани служит в компании Перуцци — банковском доме с лучшей осведомительной сетью Европы: их приказчики сидели во всех столицах и при всех дворах [Д]. Капитал в те годы держал стремя королям — и держал перо.

Второй — Эберхард, хронист из Регенсбурга: немец, писавший на другом конце континента, имени Ногаре не знающий вовсе, — и потому свидетель независимый. У него сцена звучит диалогом, и роли надо назвать прямо. Захватчики говорят пленнику: «Ты, гнуснейший еретик, ныне ты в нашей власти...» — ведь ересь и была официальным обвинением, которое Ногаре предъявил папе полугодом раньше в Лувре. И папа отвечает: «Я не еретик, но отец твой был еретиком и, как известно, за ересь осуждён» [Д — MGH SS XVII, 599]. Обвинение летит в понтифика — ответ бьёт в кровь обвинителя.

Третий — безымянный хронист Орвието, умбрийского города по соседству; по оценке науки — один из лучше всего осведомлённых источников об Ананьи вообще. У него коротко: «отец его, как говорят, был еретиком» [Д].

Четвёртый — Гульельмо Вентура, торговец пряностями и городской летописец Асти, пьемонтского городка на дороге из Италии во Францию. Он говорит об этом мимоходом и по совсем другому поводу — объясняя, отчего погиб орден тамплиеров: отца его, как еретика, сожгли [Д — Муратори, RIS XI, col. 193]. Свидетель, дающий ту же деталь в другом деле, дороже свидетеля, отвечающего на прямой вопрос.

Пятый — официальный документ. Апрель 1313 года: Людовик Неверский, наследник графства Фландрского, подаёт папе и императору протест против французского канцлера — и вписывает туда чёрным по латыни: «отца самого Гийома и некоторых его кровных предков, как говорят, осуждённых за ересь, по заслугам сожгли огнём» [Д — Cod. dipl. Flandriae II, 223]. Не хроника — дипломатическая бумага, поданная монархам.

Шестой — продолжатель хроники Гийома де Нанжи, официального сен-денийского летописания французской короны. Он глух о колене и осторожен в словах, но фиксирует главное: на посмертном процессе над памятью Бонифация защитники папы обрушивали на персону обвинителя «многое тяжкое и чудовищное» [Д].

Шесть перьев, три страны, четыре разных повода заговорить — и ни одно не писало нашему герою в угоду.

Теперь посмотри на расхождения, потому что в них-то и сила показаний. У Виллани горят отец и мать; у двоих — только отец; официальный протест прибавляет предков во множественном числе; шестой не называет колена совсем. Свидетели делят детали — и держат единое ядро: род горел за ересь, и горел отец. Так выглядит почерк подлинного события. Слово в слово, гладко, без сучка совпадают только заученные легенды; живое событие всегда доходит до нас с разбросом в подробностях.

И здесь я обязан показать место, где наука однажды оступилась, — до того, как это делает критик. Привычный читателю «сожжённый дед Ногаре», кочующий по книгам двести лет, родился из перевода. Место Виллани веками знали не в итальянском подлиннике, а в латинском пересказе Антонина Флорентийского, где «отец и мать» переданы словом *progenitores* — «предки»; из «предков» учёный семнадцатого века сделал «деда», а Эрнест Ренан повторил это уже как установленный факт. Всю цепочку вскрыл немецкий историк Роберт Хольцманн в 1898 году, вернувшись к оригиналу [Д — Хольцманн, с. 9, прим. 2]. Мы делаем следующий шаг вместе с ним: в первичном слое стоит отец. Дед при этом не исчезает — «кровные предки» протеста 1313 года держат старшие колена, а южные регистры скажут о деде своё, и очень скоро; но каждое колено должно встать на своё честное место.

По правилам следствия сказанное в той спальне решает всё, и вот почему. Дружественный свидетель может польстить; враждебный удостоверяет против собственной воли. Кровь Гийома де Ногаре засвидетельствована не его роднёй и не его партией — самим противником, в час высшего накала, при свидетелях. Папа не оскорбил безродного чиновника наугад: он опознал его. Перед ним стоял наследник костра, и он назвал его по крови вслух.

Вот подлинное свидетельство о рождении нашего героя — выданное врагом в день захвата.

Церковная летопись удержала ту же подоплёку — правда, через тот самый неверный перевод: Одорико Райнальди внёс место Антонина в свои церковные анналы под 1303 годом [Д]. Наука двадцатого века пошла глубже хроник — в южные бумаги: французский архивист Ив Досса, поднявший инквизиционные регистры Лоража, нашёл в них катарского служителя по имени Раймон де Ногаре и счёл тождество с дедом обоснованным; его находку мы разложим на столе в следующей главе (*Annales du Midi*, т. 53, 1941, с. 391–402). Осторожнее судит Жан Фавье, крупнейший знаток эпохи Филиппа Красивого: он держит происхождение под вопросом. Обе оценки я называю сам [Д/Р — граница показана].

А когда шесть лет спустя корона запустит посмертный суд над самим Бонифацием, кровь снова ляжет на стол — уже с другой стороны доски: свидетелей в Авиньоне подберут так

гладко, что показания окажутся схожи между собой, будто сговорены [Д]. Происхождение Ногаре не было тайной следствия. Оно было оружием — и обе стороны держали его заряженным.

И последняя улика этой главы — из его собственного молчания. За всю жизнь, при невероятной дерзости своих оправданий по всем прочим пунктам — а он оправдывался письменно двенадцать раз, — обвинение рода в ереси Гийом де Ногаре не опроверг ни разу [Д — Досса]. Единственный отклик за весь конфликт — уклончивая фраза его соратника Гийома де Плезиана от четырнадцатого июня 1303 года, несущая, по слову медиевиста Шарля-Виктора Ланглуа, «фабричную марку» самого Ногаре: Бонифаций-де «всех французов зовёт патаренами — такова манера еретиков, когда вы слишком правоверны, чтобы разделять их заблуждения». «Жалкая защита, — сухо замечает Досса, — и она не повторится» [Д].

Юрист, отвечавший на всякое слово, на это молчал сорок лет. В нашем ремесле молчание подсудимого по единственному пункту — показание.

Границу проведу сам, чтобы её не проводили за меня. Что род Ногаре горел за ересь — документ, писанный рукою врагов [Д — шесть перьев]. Кто именно взойшёл на костёр — отец ли живьём, дед ли посмертно, костями, — свидетели делят; и этот делёж мы разложим в следующей главе вместе с регистрами, которые поднял Досса. «Нет возможности доказать сейчас» не значит «не было» — но здесь возможность есть, и мы ею воспользуемся.

Дом, который горел, ждёт нас.

Глава вторая. Дом, который горел

Отступим на поколение назад — к источнику шрама. И начнём с того, чем этот род был до костра, потому что почти всё, что о нём пишут, начинается с пепла, а надо начинать с присяги.

Род Ногаре — мелкое дворянство Лоража, земли пшеничных холмов между Тулузой и Каркассоном. Доказательство — не предание, а казённая опись. В 1271 году умирает Альфонс де Пуатье, брат короля Людовика Святого, последний граф Тулузский; его владения переходят к французской короне, и королевские комиссары объезжают край, принимая присяги местной знати. Составленный при этом документ — *Saisimentum comitatus Tolosae*, «Опись графства Тулузского», — сохранился; и в списке байлии Сен-Феликса, среди «баронов, рыцарей и нобилей», стоят наши: Понс и Гиллем де Ногаре присягают восьмого октября 1271 года, Бернар — в декабре [Д — *Saisimentum*; изд. Лафайль, «Анналы города Тулузы», отдел «Доказательства»]. Разберём два слова, без которых строка мертва. Нобили — от латинского *nobilis*, «знатный»: сословие благородных, тех, кто владеет землёй с людьми и правом суда, а не платит подати; в описи они идут вслед за баронами и рыцарями — то есть это низший, самый многочисленный слой знати, мелкие сеньоры двух-трёх деревень. И оммаж — от французского *homme*, «человек»: обряд вступления в вассальную зависимость, при котором вассал, стоя на коленях, вкладывает сложенные руки в руки сеньора и произносит, что становится его человеком; затем следует клятва верности на Евангелии или мощах. Оммаж принимали только от свободных и благородных: с крестьянина такой присяги не берут — с ним не заключают договора, он часть земли. Значит, строка описи говорит вот что: в 1271 году род Ногаре стоит на коленях перед королевскими комиссарами как знать, вкладывая руки в руки короны. Не мужики, не купцы: нобили, приносящие оммаж.

И одна оценка науки, которую надо положить рядом: мелкая знать именно этой земли, по слову медиевиста Жана Гиро, «была весьма благосклонна к катаризму» [Д]. Крупные сеньоры играли в политику, крестьяне держались обычая — а вот эта прослойка, живущая на своих двух-трёх деревнях, укрывала Совершенных чаще всех.

Теперь — развилка рода, вскрытая тем самым Ивом Досса, который поднял инквизиционные регистры. Ветвей было две. Одна мирно осталась на землях: это она присягает в 1271-м, и её потомок — «благородный Гиллем де Ногарет, рыцарь из Сен-Феликса» — в 1333 году будет гостем на рыцарском празднике у сына нашего героя [Д]. Другая, замешанная в ереси, была поражена: осуждение одного из своих означало конфискацию имущества и конец ранга [Д — Досса].

И вот доказательство того, что наш герой — из второй ветви, доказательство от бумаги, а не от красивого слова: во всех актах до 1299 года Гийом де Ногаре — только *magister*, «магистр», доктор и профессор права; ни одного знатного эпитета, ни «нобиля», ни «рыцаря» [Д]. Дворянство в его ветви сгорело. Запомни этот факт — через две главы он даст нам ключ: в 1299 году корона возведёт его в рыцари, и это будет не пожалование выскочке, а возврат отнятого.

А теперь — человек, ради которого стоило поднимать регистры.

В городской библиотеке Тулузы хранится рукопись под номером 609: великий протокол допросов Лоража, снятый в 1245–1246 годах доминиканскими инквизиторами Бернаром де Ко и Жаном де Сен-Пьером. Это не хроника и не легенда — это следственное дело: тысячи показаний, снятых с целых деревень, с именами, датами, домами. И в этих листах живёт Раймон де Ногаре — катарский служитель, которого шесть свидетелей из Лорака, Казальрену и Гайя-ла-Сельв помнят по имени и по домам, где он ночевал [Д — ms 609; тождество с дедом нашего героя — вывод Досса, 1941].

Чтобы понять, кем был этот человек в глазах машины, надо знать устройство церкви, которой он служил. Внизу стояли верующие — их были десятки тысяч, целые деревни: они кланялись, кормили, укрывали, но сана не имели. Выше — Совершенные, принявшие возложение рук: духовенство, которого на весь Лангедок к началу крестового похода насчитывает немногим больше тысячи. Над ними — диаконы, затем «младший» и «старший сын» — назначенные преемники, — и всего четыре епископа: Тулузы, Каркассона, Альби и Ажена; а утвердил эту четвёрку собор 1167 года — заметь где — в Сен-Феликсе, в той самой деревне, где родится наш герой [Д].

Раймон де Ногаре стоит в этой лестнице не среди верующих. Он ходит с социем — напарником, как положено принявшему сан; он проповедует; он благословляет хлеб; его встречают обрядом почитания — так ведут себя только с ординированным [Д — ms 609]. Носил ли он ранг диакона, протокол не говорит — говорю это честно; но категорию он называет твёрдо: слугитель, а не сочувствующий.

И вот что значила эта категория по действующему праву. Верующий, отрёкшись, получал епитимью: кресты на одежду, паломничество, в худшем случае «стену» — тюрьму. Совершенный, не отрёкшийся, шёл в огонь без вариантов [Д — практика инквизиции]. Сан был приговором.

Теперь смотри на его службу по листам самого протокола — тулузская рукопись 609 доступна и сегодня, и каждый эпизод в ней имеет адрес. Около 1228 года он проповедует в самой Тулузе, вместе с Совершенным Бернаром де Сент-Эстев: месяц они живут у горожанина Терре Форы, и тот, по его собственному показанию, «поклонялся им и слушал их проповеди» — еретики тогда ходили по тулузским улицам почти открыто [Д — ms 609, лист 121v]. Около 1238-го — Лорак, дома братьев Гарсиа [Д — ms 609, лист 147]. Потом Гайя-ла-Сельв: восемь дней в доме Арно Домерга и его жены Алазайс, под покровительством знатных Мазеролей [Д — ms 609, листы 193v–194].

И вот показание самой Алазайс, снятое весной 1246 года, лист 197 — живая служба этого подполья, записанная рукой трибунала. Видела в своём доме четырёх еретиков: «Раймунда де Ногарет и соция его» и двух Совершенных женщин. Ели хлеб, благословлённый ими. И все, преклонив колени, поклонялись со словами: *Benedicite, boni homines, orate Deum pro nobis* — «Благословите, добрые люди, молитесь Бога о нас» [Д — дословно по протоколу].

Тут же, из тех же уст, инквизитор записал символ веры этого дома — четыре пункта: Бог не творил видимого; в крещении и браке нет спасения; освящённая гостия — не тело Господне; тела мёртвых не воскреснут [Д — ms 609, лист 197]. Наша глава больше не пересказывает вероучение «по источникам»: она читает его из протокола того дома, где служил Раймон де Ногаре.

Как он умер — надо сказать прямо, раньше критика, потому что здесь рушится красивая легенда и встаёт документ. Его сестра, Собрансейра из Лорака, показала восемнадцатого июля 1246 года: лет шесть назад двое еретиков принесли ей весть о смерти брата и предложили его вещи — если она сама станет еретичкой; отказалась [Д — ms 609, лист 194]. Костра не было: свидетельница, отвечавшая инквизитору о смерти брата, не смолчала бы о казни [вывод Досса]. Дед умер около 1240 года — своей смертью, слугителем гонимой церкви, в бегах между укывищами. За четыре года до того, как сгорел частокол под Монсегюром вместе с последним епископом.

Но контора не отпускает и мёртвых. По реконструкции Досса, спустя годы память Раймона настиг посмертный процесс — осуждение и конфискация; для инквизиционной процедуры это дело обычное: кости выкапывали, память объявляли осуждённой, имущество наследников отбирали в казну [Р — Досса; сам механизм — Д]. И после этого отец нашего героя, собрав обломки состояния, ушёл из родного Лоража в Монпелье — под арагонскую руку, куда французское клеймо не дотягивалось [Р — Досса].

Гийом попал в Монпелье ребёнком, и это подтверждается со стороны: городской ценз требовал десяти лет оседлости, без которых там не давали ни нотариата, ни кафедры [Д — статуты]. Родился он в Сен-Феликсе — слово инквизитора Бернара Ги на этот счёт твёрдо. Вырос — в изгнании.

Теперь сложи карту костра, все показания на стол. Хроники, которых у нас шесть, жгут отца; Виллани — отца и мать. Досса по регистрам — за деда, и посмертно: слишком велик был бы скандал, окажись при карьере сына сожжён живьём отец [Р — Досса]. Официальный протест 1313 года примиряет всех: «отца и некоторых кровных предков... сожгли огнём». Свидетели делят колено — костра не делит никто: род горел, живьём или костями. Ровно эту вилку мы держали с первой страницы — теперь она стоит на регистре.

И жемчужина, которую Досса поднял со дна, а огранить должны мы.

Своего старшего сына хранитель печати Франции назвал Раймоном. Собственное имя отдал младшему. Фамилия редчайшая; поле деятельности Совершенного — тот самый Лораге; хронология сходится год в год. «В совпадении этих имён, — пишет Досса, — можно видеть нечто большее, чем простую случайность» [Д — вывод науки].

Вслушайся. Первенец первого юриста королевства носит имя катарского служителя, умершего в бегах. Не тайно, не в семейном кругу — на глазах всей Франции, безнаказанно. Общий фон приемлем: мало ли Раймонов в Лангедоке. Смысл — противоположный. Он подписывался всю жизнь; просто чернилами, которых Рим не умел читать. Мы прочтём все его подписи по порядку, и эта — четвёртая по счёту, но первая по времени.

Что же перешло мальчику?

Деда он не застал: тот умер лет за пятнадцать до его рождения. Перешёл дом: беглый, лишённый ранга, живущий под чужой рукой. Отец, у которого отняли всё, кроме памяти, — а хроники говорят: и жизнь [Д/Р — вилка выше]. Лицо Христа, за которого дед умер служителем, а дом горел. И точное знание, кто именно и почему уничтожил род, — знание, у которого были листы, печати и процедура.

Не обида на власть. Наследство. В его крови было ровно то, что машина, стоявшая над Лангедоком, жгла по протоколу. И машина эта к его детству никуда не делась — она работала.

Глава третья. Детство под инквизицией: как куётся шрам

Лораге его детских лет — не тихая провинция, а поднадзорная земля. И чтобы это перестало быть словом, надо назвать вещи.

Инквизиция — от латинского *inquisitio*, «розыск»: постоянный церковный трибунал по делам веры, учреждённый в этом краю в 1233 году и отданный в руки ордена доминиканцев. Работал он так: приезжая в округу, инквизитор объявлял «срок милости» — недели две, когда каждый мог явиться сам и донести на себя и на других, получив мягкую епитимью; затем начинались допросы всех подряд, поимённо, по деревням. Показания записывали и сшивали в регистры — как та тулузская рукопись 609, по которой мы читали деда. Имён доносчиков подсудимому не открывали. Адвоката не давали: в делах веры, по правилу, «производство идёт просто, без совета и адвоката».

Наказания назывались буднично. Крест — жёлтые полотняные кресты, которые примирённый носил на одежде спереди и сзади, годами, всюду: живой позорный столб, из-за которого не брали в свидетели и в подмастерья. «Мюр» — от французского *mur*, «стена»: инквизиционная тюрьма; «стена строгая» означала одиночную камеру, кандалы, хлеб и воду. Костёр — для не отрёкшихся и для «вторично впавших»; жгла, впрочем, не церковь: приговорённого «передавали светской руке», и жёг его городской палач — форма, которую мы ещё увидим в деле тамплиеров.

И была процедура, о которой современному человеку трудно поверить: суд над мёртвыми. Если после чьей-то смерти выяснялось, что он умер еретиком, трибунал вёл дело против его памяти: выносил приговор, кости выкапывали из могилы и сжигали, а имущество, уже перешедшее к детям и внукам, отбирали в казну [Д — по практике инквизиции Лангедока]. Мы предъявляли эту процедуру в предыдущей главе — по ней, вероятнее всего, прошли кости деда нашего героя. Запомни её: спустя шестьдесят лет тот же приём Гийом де Ногаре развернёт против римского папы.

Но дом Ногаре стоял в этой земле не как соседские дома: он был помечен, и помечен не молвой — законом. Главную цену дом уже заплатил — костром рода; ответить было нечем: ни оружия, ни языка. А что причитается семье осуждённых дальше — известно дословно, потому что закон сохранился весь.

В 1199 году папа Иннокентий III издаёт буллу *Vergentis in senium* — «Склоняясь к старости», по первым словам текста, как называли тогда все папские грамоты. В ней ересь приравнена к оскорблению величества — то есть к государственной измене, — и на неё перенесены римские кары за измену: полная конфискация имущества. И булла проговаривает вслух то, от чего холодеет: у виновных «жизнь детей шадится лишь из милосердия», а сыновьям конфискованное не возвращается никогда [Д — текст буллы]. Дети осуждённого не наказаны — им просто оставлена жизнь как милость.

Сверх конфискации на семью ложилось клеймо, у которого есть точное имя: инфамия — от латинского *infamia*, «бесчестие»: правовое состояние, при котором человек и его потомство лишаются права занимать публичные должности, свидетельствовать в суде, наследовать честь. Не наказание за поступок — состояние по рождению.

А инквизиция довела это до рабочей формулы, и вот она: лишению должности подлежит всякий, чей отец или дед был еретиком либо пособником еретиков [Д — свод инквизиционной практики]. Прочти формулу ещё раз, медленно: отец или дед. Спор о колене, который наука ведёт восемьдесят лет — отец у хронистов, дед у Досса, — инквизиция решила заранее, одним союзом «или»: статья покрывает обе версии.

Теперь ты видишь, чем на деле был упрёк, брошенный в спальне Ананьи. Не бранью. Квалификацией по действующему праву, произнесённой по всей форме тем, кто был вправе её произнести.

И вот деталь, которую надо знать про человека, произнёсшего эту квалификацию. Бенедетто Каэтани — будущий папа Бонифаций VIII — был по образованию юристом, и специальностью его молодости были именно такие дела: он писал юридические заключения о наследстве умерших еретиков [Д — по исследованию Петера Херде]. А став папой, он показал, как умеет карать потомство: род Колонна, поднявший против него мятеж, был отсечён от церковных должностей до четвёртого колена, и ту же меру он вписал в собственный свод канонического права, «Шестую книгу» [Д — Liber Sextus, 5.9.5]. Держи это в уме до второго слоя: человек, встретивший нашего героя в спальне, был лучшим в Европе специалистом по каре потомков.

И это не мёртвая буква. Смотри, как машина работала при жизни Ногаре, в двух шагах от него.

1288 год, Авиньоне-Лоражский — деревня в двадцати верстах от Сен-Феликса. Король Филипп Красивый лишает нотариата Раймона Виталья — за то, что тот внук еретика, осуждённого на костёр [Д — по документам инквизиции Лангедока, изд. Дуэ]. Не сам виновен — внук.

1292 год, Каркассон. Королевского сержанта Гиро д'Отерива вычищают со службы, и обвинительный материал передаёт королевскому прокурору сам инквизитор Каркассона: отец и мать сознались в ереси в 1256-м; дядя, Раймон Карбоннель, сожжён как Совершенный в 1276-м [Д — по актам инквизиции]. Церковный трибунал и королевская служба работают в связке: один держит регистры, другая исполняет.

А благоразумные дети покаявшихся выправляли себе особые грамоты — письма о правоспособности занимать должность: справку, что тебе можно жить [Д].

Запомни второй год: в 1292-м Гийом де Ногаре уже читает право в Монпелье — а рядом, в дне пути, человека с его же биографией стирают со службы по статье, писанной словно на него самого.

И вот самый странный документальный след этого детства — держись, потому что здесь начинается то, чем закончится вся книга.

Ногаре был клириком. Не монахом и не священником — клириком малых чинов: так называли принявших первые, низшие степени посвящения, которые давали церковный статус, но не запрещали ни служить в миру, ни жениться. Доказательства прямые: Виллани зовёт его «savio clerico» — «учёный клирик»; сам король в грамоте 1296 года пишет о нём clericus; а в королевском ордонансе о парламенте он назван первым из тринадцати клириков — в прямом противопоставлении мирянам [Д]. Высших чинов он не имел — женился.

Откуда чины у сына из пораженного дома, у человека под статьёй «отец или дед»?

Роберт Хольцманн предложил единственное правдоподобное объяснение: после суда над отцом церковная сторона, вероятно, сама позаботилась о мальчике из осуждённого дома — повела его к духовному сословию, чтобы уберечь от нападок и держать при себе; отсюда и глубокое знание Библии, которое выдаёт себя во всех его сочинениях [Д — факты; гипотеза — Хольцманн, с. 12].

Луи Тома в 1904 году, независимо, пришёл к тому же: если родители сожжены — «кем он был воспитан? Быть может, монахами... во всяком случае, обучен из милосердия», ибо имущество сожжённых конфисковалось всегда, и своих средств у сироты быть не могло [Р — Тома, с. 166]. Каким орденом — наука молчит; но стрелки расставил он сам: тело завещал доминиканцам, сыновей — к доминиканцам Нима, допросы тамплиеров разместил у доминиканцев, а Библию знал так, как знают её в ордене Проповедников [Д — стрелки; орденская школа — Р]. Держи эту гипотезу до конца книги — она выстрелит в его завещании.

Вдумайся в сцену. Контора, спалившая его род, сама взяла его сына на своё попечение: выучила Писанию в собственном, строго правоверном чтении, дала латынь, каноническое

право и малые церковные чины. Ничего еретического в этом обучении не было и быть не могло — учили ровно тому, чем машина держала мир: её Книге, её праву, её процедуре. Она полагала, что тем самым приручает опасного ребёнка — ставит сына осуждённого дома под свой надзор и себе на службу; так поступали со многими, и почти всегда это работало. Кого она вырастила на самом деле — покажет вся эта книга. Ученик выучил её язык лучше учителей — и обратил его против них, не отступив от него ни на слово.

Ребёнок из дома, который горел, рассуждает не так, как просто ребёнок из поднадзорной деревни. Тот боится. Этот — считает. Он растёт под аппаратом, который сжёт род и стёр его ранг, и учится читать мир одним взглядом: он видит не веру и не догму — он видит механику. Кто держит перо. Кто пишет обвинение. По какой статье жгут и по какой — нет. Каким протоколом чужую жизнь и чужой дом переводят в пепел законным порядком.

Это и есть шрам — не рана, а зрение. Не «доктрина катаров», якобы переданная ему тайно: за искателями тайных передач я не пойду, пусть это остаётся им [ПК]. Зрение — то, чего нельзя завернуть в свёрток и вынести ночью по верёвке с горящей горы: способность видеть систему изнутри, глазами того, кого она метит.

Такое не передаётся текстом. Оно передаётся как шрам — через поколение пепла.

Глава четвёртая. Выбор оружия: не меч, не вера — право

И вот мальчик вырастает, и перед ним выбор, которым определится всё. Путь к машине три — и все три для него закрыты.

Меч? Дворянство его ветви сгорело вместе с делом деда: ранг утрачен, и во всех актах он — *magister*, без единого знатного эпитета; за спиной — отец-изгнанник, а ореховая роща у Сен-Феликса, давшая роду имя, осталась другой, уцелевшей ветви. Ни имени, ни дружины: армии у него не будет никогда. Заперто приговором.

Вера? Он видел, куда она ведёт: на луг под Монсегюром, в частокол. Встать под знамя гонимой церкви — повторить судьбу дома с точностью до пепла. Заперто костром.

Право? Смотри внимательно, здесь вся соль: право заперто тоже — самым правом. Наследник осуждённого дома поражён в правах: формула «отец или дед» писана на него дважды, инфамия закрывает публичные должности, и таким, как он, полагалось выправлять грамоту о правоспособности и тихо радоваться, если пустят в писари. Мы видели это своими глазами в предыдущей главе: Раймон Виталь лишён нотариата за деда в 1288-м, сержант Гиро вычищен за родителей в 1292-м.

Из трёх дверей две захлопнула судьба. Третью запер враг — собственной статьёй.

И он выбирает третью.

Есть старое правило полководцев: бей врага его же оружием. Ногаре исполнит его буквально любого полководца — возьмёт не подобное оружие, а то же самое: римское и каноническое право, язык системы, уничтожившей род; её статью, её процедуру, её опросный лист.

Место для этого он выбрал — или судьба выбрала за него — единственно возможное. Монпелье тех лет — город с двумя хозяевами и потому с двойным дном. Одна половина города принадлежала королю Майорки — Хайме II, государю из арагонского королевского дома, чьи владения лежали за Пиренеями; другая — епископу Магелонскому, чья кафедра стояла на болотистом островке у моря, а власть простиралась на школы города. Французская корона к Монпелье только присматривалась. Для беглецов с земель, где хозяйничала инквизиция, это был воздух: город веками принимал таких, и туда, под арагонскую руку, ушёл от приговора его отец [Д; уход отца — Р, по Досса].

Так и вышло, что там, где прятались от клейма, он выучился ремеслу, которое клеймо ставит.

Первое его появление в документах — восемнадцатое марта 1282 года, и заметь где: не в Монпелье. Лабрюгьер, край Тарна, тулузская земля — родовая. Виконт Лотрека Амальрик с женой утверждают решение третейского суда, и среди свидетелей — «магистр Гийом де Ногарет, юрисперит», то есть законовед, ещё не доктор; тем же днём, там же — второй акт, та же подпись [Д — *Cartulaire des Alaman*, изд. Кабье и Мазенс; установил Антуан Тома, 1904]. Первый документированный шаг взрослой жизни — дома, в земле рода, за разбором чужого спора; и знать края зовёт в свидетели юриста из поражённого дома — через сорок лет после Монсегюра земля своих помнила. Изгнание дало ему Монпелье, но корня не отрезало.

Доктором он становится между 1282-м и 1287-м: девятнадцатого июня 1287 года в акте короля Майорки, подтверждающем городские вольности Монпелье, Гийом де Ногаре стоит третьим из пяти докторов права [Д — Тома, с. 163]. А теперь считай, как считал Досса. Чтобы взять степень по гражданскому праву, требовалось от девяти до одиннадцати лет учения; доктору по цензу — не меньше тридцати лет от рождения. Значит, рождение сдвигается к 1255 году или раньше [Д — Досса] — и привычная дата «1260», которую переписывают справочники, оказывается слишком поздней.

В 1291-м он уже профессор в Монпелье, публичная фигура: горожане берут его в опекуны детей менялы Раймона Гроса — а опека над состоянием банкира это доверие с весом;

соседние общины зовут его третейским судьёй в спорах о выпасах [Д — Тома]. И клиентуру он подбирает не случайную: епископ Магелонский и король Майорки — то есть ровно те два сеньора, в чьих руках поделён город [Д]. Держи это в уме одну страницу.

И метод его виден уже здесь — Эрнест Ренан заметил это ещё в девятнадцатом веке: легисты вроде Ногаре доводили строгость инквизиционного права до крайних пределов, выставляя себя ревнителями веры непримиримее самих церковников [Д — Ренан]. Для юриста без рода это единственный способ быть не одним из многих компетентных, а незаменимым. Святее папы — вот его маска; мы увидим её в деле, когда он назовёт свою войну *negocium Christi*, «делом Христовым».

Январь 1293 года — дверь открывается. Французская корона выкупает у епископа Магелонского его долю Монпелье; спор о цене земель заходит в тупик. И сенешаль — королевский правитель округа, соединявший в одном лице администратора, судью и военного начальника, — Альфонс де Рувре лично зовёт четырёх экспертов: трёх действующих чиновников короны и одного стороннего доктора права из Монпелье [Д — эпизод по исследованию Гурона].

Вчитайся в состав. Ногаре вызван не как человек епископа, которому служил, — короной, для короны, против того самого узла, который он изучил лучше всех живущих. Десять лет он стоял в единственной точке, куда корона обязана была прийти. Она пришла.

Дальше — плата. В 1294-м он судья-маж сенешальства Бокер и Ним: главный судья округа, второе лицо после сенешаля. Это не кабинет с гербом, а машинное отделение королевского юга: соль, порт Эг-Морт, тяжбы о правах короны на свежепроглоченной земле [Д — по актам сенешальства]. Пойми, что это значило: сын сожжённой земли становится судьёй завоевателя на этой самой земле. Маска, о которой писал Ренан, затягивается здесь до предела — один неверный жест сочувствия своим, и статья срабатывает мгновенно.

Он не дал ни одного такого жеста. Ни единого за всю жизнь [Д — само отсутствие: враги, собравшие против него всё, этого не собрали].

В конце 1295 года его берут в Париж, на королевскую службу. Старая версия зовёт руку Пьера Флота — будущего канцлера, земляка по монпельерской школе; свежая наука осторожнее: скорее сработал лунельский успех — присоединение к домену сеньории Лунель, где он вёл дело короны [Д/Р — вилка: Ренан против Надираса и Жоссерана]. Как бы ни открылась дверь, Париж — не фавор, а чёрная работа: в 1298-м он разбирает тяжелейшие дела парламента — высшего королевского суда; ещё раньше, в 1296-м, его посылают энкетором — королевским следователем-ревизором — в Шампань, и там он входит в круг восходящих чиновников, среди которых Готье де Шатийон, Беро де Меркёр и молодой хлебодар королевы Ангерран де Мариньи [Д — Жоссеран]. Запомни эти имена: все трое вернутся в нашу историю.

А в 1299 году происходит то, что стоит целой главы. Ещё двадцать седьмого февраля казначейские журналы — приходно-расходные книги королевской казны — зовут его *magister*; пятнадцатого мая он в тех же книгах уже *miles*, «рыцарь» [Д — журналы Трезора, изд. Виара]. Между этими двумя датами корона провела анноблирование — возведение во дворянство.

Эпоха сама отчеканила имя этой новой породе: *chevaliers ès-lois*, «рыцари в законах» — легисты, посвящённые в рыцарство, ни разу не подняв меча; из них вырастет всё будущее «дворянство мантии» — служилая знать, получающая герб за перо, а не за копьё. Титул Ногаре с этого дня — *legum doctor et miles*: доктор права и рыцарь [Д].

Вслушайся: рыцарь, чьё оружие — закон. И прочти этот акт нашими глазами: корона вернула роду ранг, который отняла контора. Первый замок вскрыт изнутри — ключом врага.

Выбор состоялся и скреплён печатью — и задержишься на самой печати: она говорит, и говорит дважды.

Герб его — ореховое дерево, *poyer*. Это «говорящий герб» — *armes parlantes*, как звала это геральдика: щит, выкрикивающий имя носителя всякому, кто слышит блазон, то есть словесное описание герба, которое герольд оглашал вслух; в мире, где читать умели немногие,

герб был именем, произнесённым картинкой. Ногаре — Nogaret — и есть ореховая роща [Д — печать с гербом фиксируется с 1303 года].

Эпоха предлагала выбор. Дуб — символ силы, классика для всякого, кто хочет казаться крепким родом. Вяз — дерево, под которым у замков и церквей держали собрания и скрепляли торжественные акты: готовый образ для юриста. Заёмные львы и орлы — для новых людей, желающих выглядеть старыми. Он не взял ничего чужого — только имя: я от рощи Ногаре.

В гербовнике дерево записано *arraché* — «вырванным», с обнажёнными корнями [Д — Париж, Библиотека Мазарини, рукопись 2909, лист 52]. Гербовики скажут: конвенция, так блазонируют всякое дерево, показанное с корнями, — и для любого другого носителя на этом можно было бы закончить. Но мы ведём дело человека, о котором доказали четырежды: он говорил приемлемыми словами непримиримые вещи. У такого человека конвенция — не потолок смысла, а прикрытие: оболочка, в которой второе дно живёт легально и неуязвимо.

Теперь посмотри на щит его глазами — глазами дома, чей символ веры записал сам трибунал: Бог не творил видимого; в материи нет спасения [Д — ms 609, лист 197]. На золотом поле — дерево, живое целиком: крона, ствол, корни одной зеленью. И оно не касается земли. Земли на щите нет вовсе: голые корни в пустом золоте. Вырванное — и живое.

Дерево, которое живёт не от земли — от силы истинного Бога [Р — прочтение по вере дома; сам герб — Д].

И заметь саму породу, которую подарило ему имя. Орех — одна из крепчайших древесин Европы, и мастера ценили её не за твёрдость, а за вязкость: дуб твёрд — но колется поперёк волокна; орех держит удар, не раскалываясь, — потому из него резали оружейные ложа, всё, что живёт под отдачей. Дуб на гербе хвастает силой. Орех — держит удар. Человек, чей род раскололи, взял на щит дерево, которое расколоть нельзя [Д — свойства породы; прочтение — Р].

Придаться не к чему: блазон как блазон, умысел недоказуем — говорю это честно. Но принцип опознан на четырёх доказанных случаях, и пятый совпадает с ними до рисунка. Род, вынесший корень напоказ; вера, поднявшая жизнь над землёй; имя — вслух. Происхождение, бывшее уголовной статьёй, и вера, за которую жгли, оттиснуты на актах короны — у всех на глазах, безнаказанно: этим воском он запечатывал королевство.

И хранила этот герб четыре столетия цеховая память: рукопись, из которой мы его читаем, — гербовник президентов и советников Парижского парламента, доведённый до 1721 года [Д]. Пока контора стирала имя, цех юристов держал дерево.

Последний штрих главы — для тех, кто дочитает книгу до конца: среди земель, пожалованных ему тогда у Эг-Морта, — Марсильяр [Д]. Запомни это имя. Мы вернёмся в его церковь на последних страницах.

И задержись на симметрии, которой закрывается первый слой, — она ось всей этой книги, и у неё два этажа.

Верхний — регистр и предание: в роду был рукоположенный — Совершенный, принявший возложение рук против власти материи, мимо иерархии, из рук в руки [Д — сан Раймона по ms 609; тождество — Досса].

Нижний — документ о внуке: сына поражённого дома рукоположила сама контора — малые чины из рук машины, спалившей его род [Д], а затем диплом доктора из её же учёного мира.

И этими её рукоположениями он будет разбирать её власть — на её собственном языке.

Из дома, который горел, вышел не мученик и не мститель с ножом. Вышел юрист со шрамом вместо убеждения, клирик конторы с чужим Христом в сердце.

Право было дверью, запертой перед ним. Он не стал ломиться.

Он сделал себе ключ.

* * *

**СЛОЙ
II
. ИНСТРУМЕНТ**

Движение первое. Быть замеченным

Инструмент выкован. Теперь смотри, перед какой задачей стоит его владелец, — потому что задача эта по условиям своего времени решения не имеет.

Чтобы оружие сработало, его должен купить единственный покупатель в мире — корона. Другого заказчика на войну с Римом не существует: города слишком слабы, знать слишком раздроблена, императора хватает лишь на собственные ссоры с папством. Но между человеком из Лоража и королём Франции лежит всё. Он незнатен — точнее, знатен заново, с 1299 года, и всякий при дворе это помнит. Он южанин из земли, которую эта корона выжгла и проглотила на памяти его отца, и говорит с выговором, который слышен: наука наших дней узнаёт его руку в безымянных бумагах по особому написанию слов — след южного произношения, пробивающийся даже в тексты, которые он диктовал писцам [Д — Надирас]. И в его крови — статья, по которой таких, как он, не допускают к должности, а вычищают с неё.

У него нет и прихожей. Позже мы встретим Ангеррана де Мариньи, начинавшего пажом и хлебодаром королевы, — у того дверь была через дворцовый коридор, через ежедневную близость к телу и уху государя. У Ногаре коридора нет: между ним и Парижем — тысяча вёрст, чужой север и клеймо до второго колена.

Хуже того: сама заметность для него смертельна. Вспомни сержанта Гиро д'Отерива из третьей главы: пока он был мелким служакой, регистры молчали; стоило подняться — инквизитор Каркассона сам понёс выписки королевскому прокурору. Каждый шаг вверх делает человека с такой кровью громче как мишень: донос на безвестного писаря не стоит чернил, донос на королевского судью запускает статью — а статья бьёт по живому: должность, имущество, имя.

Подниматься для него — значит нести контрабанду через всё более строгий досмотр.

Из этого следует холодный вывод, который он, судя по каждому его шагу, сделал рано: быть просто хорошим — нельзя. Хороших вычищают по статье. Надо быть таким, чтобы донос стал невыгоден самой короне. Незаменимость — единственная броня, отменяющая происхождение [Р — реконструкция мотива; шаги ниже документированы].

И переверни медаль — как переворачивает её вся эта книга: для короны та же метка была не изъяном, а активом. Кого нельзя перекупить и некуда переманить — того берут именно за метку. К этой стороне сделки мы вернёмся отдельной главой.

Теперь смотри, как он строит броню — десять лет, без единого свидетеля своего замысла.

Монпелье, где он преподаёт, — не просто школа: это кузница, из которой корона уже берёт своих легистов; Пьер Флот, будущий канцлер Франции, — той же выучки [Д]. Тропа существует — но по тропе ходят многие, а взять должны одного.

И тогда смотри, какую клиентуру он себе выбирает: епископ Магелонский и король Майорки [Д]. Не самые громкие дворы Европы — зато ровно те два сеньора, в чьих руках поделён Монпелье и чьи права французская корона готовится выкупить и поглотить. Он годами делает себя первым знатоком именно того узла, который королю предстоит развязывать.

Это не везение и не служба наудачу. Это засада: встать заранее в единственной точке, куда работодатель обязан прийти, — и ждать [Р — логика; позиция по документам].

Январь 1293 года. Корона выкупает у епископа его долю города; спор о цене земель заходит в тупик; сенешаль Альфонс де Рувре зовёт четырёх экспертов — трёх своих и одного стороннего доктора права из Монпелье [Д]. Корона его не искала. Она пришла туда, где он стоял десять лет.

Дальше — цена, и она чёрная. Первая королевская должность — судья-маж сенешальства Бокер и Ним: соль, порт, тяжбы о правах короны на свежепроглоченной земле. В 1296-м — энкетор в Шампани: королевский ревизор, который сидит в чужих архивах и перетряхивает

права; южанин зимой на чужом севере, грамота за грамотой. В 1298-м — тяжелейшие дела парламента. В 1300-м — снова шампанские права короны [Д — Ренан, Жоссеран].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.